

Всё началось с письма. «Уважаемая редакция, — писал электрик А. Камышев из г. Каменского Ростовской области. — Мне много лет, знаю войну, хотя и был тогда ещё мальчишкой. Во время учения в школе много читал про героев войны, смотрел кинофильмы. Но ни в какой литературе я не встречал фотографий, именно фотографий Героя Советского Союза Зои Космодемьянской. Все её портреты, по-моему, выполнены рисунком. Скоро исполняется 40 лет со дня её гибели. Высылаю вам фотографию, сделанную перед заброской Зои в тыл врага. Зоя внизу справа. А вверху слева — двоюродная сестра моей жены, ныне здравствующая, проживает в Ленинграде. На обороте фотографии надпись: «На память тётке Вере от племянницы Лидии Гутенко».

Сам подвиг Зои Космодемьянской описывать не буду — про него знают все. А вот фотографию, наверное, не видел никто, кроме родни сфотографированных. Прошу вас напечатать её в вашей газете».

Черты девушки, запечатлённой на снимке, удивительно напоминали облик Зои, но было в них и что-то несоответствующее тому образу легендарной партизанки, который складывался годами. А вдруг всё-таки Зоя? Сомнения и привели меня в Ленинград, на 23-ю линию Васильевского острова, где живет ныне Лидия Васильевна.

— Нет, это не Зоя, — глянув на снимок, сразу же развеяла все надежды моя собеседница. — Это Алла. Фамилию не помню. Кажется, Бурова. Да и не уверена, что имя было настоящим. Перед выходом в тыл врага каждый из нас имел свою легенду. Меня, к примеру, все звали Соней.

Лидия Васильевна снова обратилась к фотографии.

— Это Катя, — указала она на соседку Аллы. Рядом со мной Аня, а юношу звали Жорой. С Жорой мы однажды ходили за линию фронта как брат и сестра. После начала контрнаступления наших войск под Москвой группу расформировали. Я попала в запасной полк и дальнейшую судьбу никого из них не знаю.

Спрашиваю собеседницу о Зое.

— Конечно же, знала, — оживилась Лидия Васильевна. — Спали, правда, в разных комнатах, но взрывное дело и другие военные премудрости изучали вместе. Когда прочитали в «Правде» очерк «Таня», все в один голос заявили: «Наша Зойка», что потом и подтвердилось...

После возвращения из Ленинграда я связался с дядей Мишей — Михаилом

Николаевичем Соколовым – командиром группы, в которой Зоя выполняла своё первое задание в тылу врага.

— Гутенко права, — сказал он, рассматривая снимок. – За Зою Камышев принял Ольгу Васильевну Морозову, которую в группе звали Аллой. Вот её телефон.

Тут же набираю номер.

— Имя Лидии Васильевны Гутенко вам ни о чём не говорит? – задаю вопрос.

— Как же, как же, — заволновалась Ольга Васильевна. – Сорок лет о ней ничего не знаю, а были подругами. У меня хранится фотография января сорок первого, где мы с ней сняты в полушубках и новеньких ушанках. У вас есть её адрес?

Они, москвичка и ленинградка, созвонились в тот же вечер, а потом Лидия Васильевна приехала в Москву. Однако автору этих строк не довелось увидеть встречу боевых подруг. Неотложные дела позвали в дорогу. И вот, спустя почти месяц, я в уютной московской квартире О.В. Морозовой. Она была не одна. Пришли её фронтовые друзья: врач В.В. Давыдова и М.А. Заикин, с кем она воевала в партизанах под Москвой и на Брянщине.

— Ждём ещё Аню Юрову, — сказала хозяйка дома. – Она вчера была ошарашена, когда узнала, что о нас вспомнили через столько лет. Жаль, не сможет заглянуть командир группы Николай Александрович Семёнов. Вот с кого мы брали пример. Был смел, выдержан, спокоен.

Фотография снова ложится на стол.

— Отлично помню, как она была сделана, — глаза Ольги Васильевны повлажнели. – Аня Юрова, Катя Гвоздева и я получили увольнительные и забежали в фотоателье, что было напротив Пассажа. Теперь там кафе. К нам присоединились Лида Гутенко и этот парень. Фамилию не помню, а вот Катя Гвоздева, наша толстушка-хохотушка, где-то затерялась на дорогах войны. Она в начале сорок второго ушла из отряда, стала радисткой...

Нашу беседу прервал звонок у входной двери.

— Наконец-то, — облегчённо вздохнул Михаил Александрович Заикин и ушёл в прихожую.

Через несколько минут в комнату вошла невысокая женщина. При первом взгляде показалось, что она ни капельки не изменилась. Тот же округлый подбородок, внимательный взгляд широко поставленных глаз. Она берёт в руки фотографию, вопросительно смотрит в мою сторону.

— Кто же нас нашёл?

Читаю письмо, полученное из Каменска.

— Ничего общего у Аллы с Зоей не было, — твёрдо говорит Юрова. — Та стриглась под мальчишку. Над высоким лбом три волны волос и упрямая прядка. Она её никогда не откидывала рукой, а только резким броском головы назад. «Зойка, голову себе оторвёшь», — бывало, шутили девчата.

— Да, она была не по годам серьёзной, — говорит Ольга Васильевна. — Мы что? Детский сад. На танцы, в кино сбегать, а она и в клуб-то почти не ходила. Помню, получили «наганы», так она тут же начала его разбирать...

— Была необыкновенно серьёзной на занятиях, — подхватывает Юрова. — Столько вопросов задавала. И все по делу.

Стынет в чашечках кофе. Бойцы вспоминают минувшие дни. Порой просто не верится, что речь идёт о событиях сорокалетней давности.

— Редко о нас, девчатах, вспоминают, — вздыхает Юрова. — А сколько мы вынесли, пережили. Помнишь, Алла, как тебя после контузии спасали Володя Киреев и Вася Боков. Я тебе лицо вытираю, а ты одно твердишь: «Глаза целы?»

— Но это уже было на Брянщине, — вступил в разговор М.А. Заикин, когда наш сводный отряд особого назначения под командованием Г.И. Орлова, выполняя приказ штаба Западного фронта, в ночь с 3 на 4 апреля 1942 года перешёл линию фронта и углубился в тыл врага...

Только двое из запечатлённых на снимке — Алла и Аня — были в сводном отряде. К ним перед переходом линии фронта присоединился семнадцатилетний Миша Заикин.

— Сколько раз мы несли службу вместе? — смеётся Юрова, обращаясь к нему. — И мёрзли, и грелись, как сёстры и братья.

— Дядя Миша Соколов звал нас куропаточками, — отвечает ей Заикин...

Время летит незаметно. Пора и честь знать. Спрашиваю, как сложилась послевоенная жизнь собеседников.

— По-разному, — за всех ответила хозяйка дома. - Сейчас все на пенсии - кто по инвалидности, кто по возрасту. Выросли дети, но наша дружба не знает конца. По мере возможности трудимся. Когда из жизни уходит товарищ, обязательно собираемся вместе...

Снова и снова смотрю на снимок, которому сорок лет. С троими удалось поговорить. Судьбы Кати и Жоры пока неизвестны, но их помнят по суровой очени сорок первого года, по заснеженным полям и лесам Подмосковья, партизанскому краю на Брянщине.

А. Хоробрых, Ленинград - Москва.